

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I	3
I. ОТКРОВЕНИЕ	5
II. НА ПЕРЕПУТЬЕ	15
III. ИСКУШЕНИЕ	23
IV. ГРЕХОПАДЕНИЕ.....	35
V. ТЕМНОЕ СЧАСТЬЕ	49
VI. ОЧАРОВАНИЕ	60
VII. ОТПУЩЕНИЕ.....	72
VIII. СОБЛАЗН	85
IX. ПРОЗРЕНИЕ.....	93
X. НАВАЖДЕНИЕ	100
XI. ПРЕЛЬЩЕНИЕ	112
XII. ВОСХИЩЕНИЕ	118
XIII. ЗНАК	130
XIV. ЗЛОЕ ОБСТОЯНИЕ	141
XV. ШАМΠΑНСКОЕ	151
XVI. МЕТЕЛЬ.....	161
XVII. МЕТЕЛЬНЫЙ СОН.....	171
XVIII. ОБОЛЬЩЕНИЕ	183
XIX. МЕТАНИЕ.....	190
XX. ДЬЯВОЛЬСКОЕ ПОСПЕШЕНИЕ	202
XXI. ПОМРАЧЕНИЕ	216

XXII. ЗНАМЕНИЕ	226
XXIII. ОТЧАЯНИЕ	238
XXIV. ИССТУПЛЕНИЕ.....	250
XXV. «ПРЕЛЕСТЬ»	263
XXVI. ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ	275
XXVII. МАСКАРАД	287
XXVIII. ВРАЗУМЛЕНИЕ.....	298
XXIX. КРЕСТНЫЙ СОН.....	309
XXX. ПОСЛУШАНИЕ	319
XXXI. ПОПУЩЕНИЕ	330
XXXII. ПРЕОБРАЖЕНИЕ.....	335
XXXIII. ИСХОД.....	345

ТОМ II 359

I. БЛАГОВЕСТИЕ.....	361
II. ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА	368
III. УЮТОВО	377
IV. РАЗГОВОР В СУМЕРКАХ	383
V. БЛАГОСЛОВЕННОЕ УТРО.....	389
VI. СВЯТИТЕЛЬ	392
VII. ОТКРОВЕНИЕ	399
VIII. МИГ СОЗЕРЦАНИЯ	401
IX. ВЫСШАЯ ГАРМОНИЯ	405
X. ЗЕМНОЙ РАЙ	407
XI. ПСАЛМЫ.....	414
XII. ВЕЩЬИЙ РОЙ	419
XIII. ДЕЛАНИЕ.....	424
XIV. АЛЛИЛУЙА.....	428
XV. РАБА БОЖИЯ ОЛЬГА	432
XVI. РОМАНТИКА.....	435
XVII. В ДЫМУ КАДИЛЬНОМ.....	440
XVIII. ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЬСТВУЕТ.....	444
XIX. ПОДНЯТИЕ ИКОН	451
XX. ИСПЫТАНИЕ	457
XXI. ПРОЯВЛЕНИЕ.....	462

XXII. ПОКЛОН	465
XXIII. ЯВЛЕНИЕ	468
XXIV. ЕЩЕ «ЯВЛЕНИЕ»	475
XXV. СПОКОЙСТВИЕ	479
XXVI. ПОЧЕМУ?	482
XXVII. ДВИЖЕНИЯ ДУШИ	487
XXVIII. НАПУТСТВИЕ	492
XXIX. «ВЗРЫВ»	498
XXX. В ОПЬЯНЕНИИ	501
XXXI. У КОЛЫБЕЛИ	504
XXXII. ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ	507
XXXIII. РАЗРЯЖЕНЬЕ	513
XXXIV. СВЕТ ИЗ ТЬМЫ	517
XXXV. ПРЕОДОЛЕНИЕ	522
XXXVI. ПОБЕЖДАЮЩАЯ	528
XXXVII. ПОСТИЖЕНИЕ	531
XXXVIII. ЧУДЕСНОЕ	534
XXXIX. МИКОЛА-СТРОГОЙ	538
XL. «ИЗ УСТ МЛАДЕНЦЕВ...»	545
XLI. ТЛЕН	552
XLII. КРУЖЕНЬЕ	557
XLIII. К НИКОЛЕ-МОКРОМУ	562
XLIV. СКРЕЩЕНИЕ ПУТЕЙ	566
XLV. ЧИСТЕЙШЕЕ	569
XLV. ИСПЫТАНИЕ РАССУДКА	573
XLVII. СМЯТЕНЬЕ	577
XLVIII. СКАЗКА О САМОЦВЕТАХ	582
XLIX. «ПРИШЕДШЕ НА ЗАПАД СОЛНЦА...»	585
L. НОВОСЕЛЬЕ	588
LI. ВЫСОТА, ЧИСТОТА, НЕДОСЯГАЕМОСТЬ	591
LII. ЧУДЕСНЫЙ ОБРАЗ	595
LIII. «БЛАГОСЛОВЛЯЮ ВАС, ЛЕСА...»	597
LIV. ПУТИ В НЕБЕ	599

ТОМ I

Эту книгу — последнюю написанную мной при жизни незабвенной жены моей Ольги Александровны и при духовном участии ее — с благоговением отдаю ее светлой Памяти.

Ив. Шмелев

22 декабря 1936 г. Булонь-сюр-Сен

I

ОТКРОВЕНИЕ

Эту чудесную историю — в ней земное сливается с небесным — я слышал от самого Виктора Алексеевича, а заключительные ее главы проходили почти на моих глазах.

Виктор Алексеевич Вейденгаммер происходил из просвещенной семьи, в которой перемешались вероисповедания и крови: мать его была русская, дворянка; отец — из немцев, давно обрусевших и оправославившихся. Фамилия Вейденгаммер упоминается в истории русской словесности; в 30-40-х годах прошлого века в Москве был «благородный пансион» Вейденгаммера, где подготавливались к университету дети именитых семей, между прочим — И. С. Тургенев. Старик Вейденгаммер был педагог требовательный, но добрый; он напоминал, по рассказам Виктора Алексеевича, Карла Ивановича из «Детства» и «Отрочества». Он любил вести со своими питомцами беседы по разным вопросам жизни и науки, для чего имелаась у него толстая тетрадь в кожаном переплете, прозванная остряками — «кожаная философия»: беседы были расписаны в ней по дням и месяцам, — своего рода «нравственный кален-

дарь». Зимой, например, беседовали о благотворном влиянии сурового климата на волю и характер; Великим постом — о душе, о страстях, о пользе самоограничения; в мае — о влиянии кислорода на организм. В семье хранилось воспоминание, как старик Вейденгаммер заставил раз юного Тургенева ходить в талом снегу по саду, чтобы расходить навалившееся «весеннее онеменение». Такому-то систематическому воспитанию подвергся и Виктор Алексеевич. И, по его словам, не без пользы.

Виктор Алексеевич родился в начале сороковых годов. Он был высокого роста, сухощавый, крепкий, брюнет, с открытым, красивым лбом, с мягкими синими глазами, в которых светилась дума и вспыхивало порой тревогой. Всегда в нем кипели мысли, он легко возбуждался и не мог говорить спокойно.

В детстве он исправно ходил в церковь, говел и соблюдал посты; но лет шестнадцати, прочитав что-то запретное, — Вольтера или Руссо, — решил «все подвергнуть критическому анализу» и увлекся немецкой философией. Резкий переход от «нравственного календаря» к Шеллингу, Гегелю и Канту вряд ли мог дать что-нибудь путное юному уму, но и особо вредного не случилось: просто образовался некий обвал душевный.

— В церкви, в религии я уже не нуждался, — вспоминал о том времени Виктор Алексеевич, — многое представлялось мне наивным, детски-языческим. «Богу — если только Он есть — надо поклоняться в духе, а в поклонении Бог и не нуждается», — думал я. И он стал никаким по вере.

Сороковые годы ознаменовались у нас увлечением немецкой философией, шестидесятые — есте-

ственными науками. В итоге последнего увлечения — крушение идеализма, освобождение пленной мысли, бунтарство, нигилизм. Виктор Алексеевич и этому отдал дань.

— Я стал, в некотором смысле, нигилистом, — рассказывал он, — даже до такой степени, что испытывал как бы сладострастие, когда при мне доходили в спорах до кощунства, до скотского отношения к религии. В нем нарастала, по его словам, «похотливая какая-то жажда-страсть все решительно опрокинуть, дерзнуть на все, самое-то священное... духовно опустошить себя». Он перечитал всех борцов за свободу мысли, всех безбожников-отрицателей и испытал как бы хихикающий восторг.

— С той поры «вся эта ерунда», как называл я тогда религию, — рассказывал Виктор Алексеевич, — перестала меня тревожить. Нет ни Бога, ни дьявола, ни добра, ни зла, а только «свободная игра явлений». И все. Ничего «абсолютного» не существует. И вся вселенная — свободная игра материальных сил.

Окончив Московское техническое училище, Виктор Алексеевич женился по любви на дочери помещиков-соседей. Пришлось соблюсти порядок и окутиться у анаоя. Скоро и жена стала никакой, поддавшись его влиянию, и тем легче, что и в ее семье склонялись к «свободной игре материальных сил».

— С ней мы решали вопросы: что такое — нравственное? что есть разврат? Свободная любовь унижает ли нравственную личность иль наоборот, возвышает, освобождая ее от опеки отживших заповедей? И приходили к выводу, что в известных отношениях между женщиной и мужчиной нет ни нрав-

ственности, ни разврата, а лишь физиологический закон отбора, зов, которому, как естественному явлению, полезней подчиняться, нежели сопротивляться, что брезгливость и чистоплотность являются верным регулятором, что отношение к явлениям зависит от наших ощущений, а не от каких-то там «ве-ле-ний». И вот когда *то* случилось, — рассказывал Виктор Алексеевич, — *она*... — он никогда не говорил «жена», — *она* мне с усмешкой бросила: «Никакого разврата, а... физиологический закон отбора... и зависит от наших настроений!»

Курс он кончил с отличием. Еще студентом он сделал какие-то открытия в механике, натолкнулся на идею двигателей нового типа, «как бы предвосхитил идею двигателей внутреннего сгорания дизеля».

Первые годы женитьбы он все свободное время сидел за своими чертежами, пытаясь осуществить идею. Жена любила наряды, хотела блистать в свете и блистала, а он, при всей своей страстности к жизни и ее дарам, «чуть ли не похотливости к жизни», как он откровенно признавался, вычислял и вычерчивал, уносился в таинственный мир механики, тщаь раскрыть еще неразгаданные ее тайны. Его стали томить сомнения: хорошо ли сделал, что стал инженер-механиком? не лучше ли было бы отдаться «механике небесной» — астрономии? Он схватился за астрономию, за астрономическую механику, и ему открылась величественная картина «движений в небе». Он читал дни и ночи, выписывал книги из Германии, и на стенах его кабинета появились огромные синие полотна, на которых крутились белые линии, орбиты, эллипсы... — таинственные пути сил и движений в небе.

А пока он отдавался астрономии, семейная его жизнь ломалась.

Он тогда служил на железной дороге, проходил стаж; ездил и кочегаром, и машинистом, готовясь к службе движения. Как раз в ту пору началась железнодорожная горячка, инженерами дорожили, и ему открывалась блестящая дорога. И вот, когда он трясся на паровозе и подкидывал дрова в топку или вглядывался в звездами засыпанное небо и в мыслях его пылали «пути небесные», строго закономерные для него, как пара блестящих рельсов, — семейная его жизнь сгорела.

Вернувшись как-то домой раньше обещанного часа, он увидел это с такой оголенной ясностью, что, не сказав ни слова, — чего ему это стоило! — решительно повернулся и как был в промасленной блузе машиниста, так и ушел из дома: здесь ему делать нечего. Снял комнату и послал за вещами и книгами. У него уже было двое детей, погодки. Он написал родителям жены, прося позаботиться о детях, — старики Вейденгаммеры уже померли. Родители пробовали мирить, приводили детей, чтобы тронуть «каменное сердце», но он остался неумолим. Жена требовала на содержание и отказалась принять на себя вину. Он даже не ответил, и она написала ему в насмешку: «Никакой вины, а просто... закон отбора». Он написал на ее записке — «потаскушка» и отослал. Тем семейная жизнь и завершилась. Он давал детям на воспитание, но потребовал, чтобы жили они у бабушки, и иногда приезжал их поцеловать.

Вскоре он занял видное место на дороге, но скромной жизни не изменил: жил замкнуто, редко

даже бывал в театре, — «жил монахом» — и все свободное время отдавал своим чертежам и книгам.

— И вот, — рассказывал он, — что-то мне стало проясняться. Я видел *силы*, направляющие движение тел небесных, разлагал их и складывал, находил точки, откуда они исходят, прокладывал на чертежах силы главного порядка... и видел ясно, что эти новые силы предполагают наличие новых сил. Но и этот новый порядок сил... одним словом, открывались новые силы еще еще... и эти новые, назовем их «еще-силы», необходимо было сложить и свести к единой. Хорошо-с. Но тогда к чему ее-то свести, эту единую?.. И откуда она, этот абсолютизм, этот источник-сила? Этот источник-сила не объясним никакими гипотезами натурального порядка. А раз так, тогда все законы механики летят как пыль! Становилось мне все ясней, что тут наше мышление, наши законы-силы оказываются — перед небом! — ку-уцыми. Или же тут особая сверхмеханика, которая в моей голове не уместится. Тут для меня тупик, бездонность Непознаваемого, с прописной «Н», — *не* знаю, *не* понимаю, *не*... принимаю, наконец! Все гипотезы разлетались, как мыльные пузыри. Но как-то мелькнуло мне, озарило и ослепило, как молнией, что я узнаю, увижу... не глазами, не мыслью, а за-глазами, за-мыслью... понимаете, что я хочу сказать?.. — что я найду доказательство особой, как бы вне-пространственно-материальной силы, и тогда станет ясно до осязаемости, что все наши формулы, гипотезы и системы *тут* — ничто, ошибка пригостишки, сплошное и смехотворное вранье, все эти «законы» — для Беспредельного — чистейшая чепуха. И удивительно что еще? Да то,

что называется «по Сеньке и шапка»: как еще из всей этой чепухи что-то еще мы получаем, какие-то все-таки законцы, и законцы относительно даже верны, в пределах приготовительного класса.

Как-то ранней весной, когда уже таял снег и громыхали извозчики, он засиделся за чертежами, докурился до одури. Взглянул на часы — час ночи. Он открыл форточку, чтобы освежиться, и у него закружилась голова. Это прошло сейчас же, и взгляд его обратился к небу. Черная мартовская ночь, небо пылало звездами. Таких ярких, хрустально-ярких, он еще никогда не видел. Он долго смотрел на них, за них, в черную пустоту провалов.

— И такую страшную почувствовал я тоску, — рассказывал он, — такую беспомощность ребячью перед этим бездонным *непонятым*, перед этим Источником всего: сил, путей, движений!..

Черно-синие бархатные провалы перемежались седыми пятнами, звездным дымом, дыханьем звездным, — мириадами солнечных систем. Он беспомощно обводил глазами ночное небо, в глазах наплывали слезы, и ему вдруг открылось...

— Трудно передать словами, что тут случилось со мной, — рассказывал Виктор Алексеевич. — Прошло лет тридцать, но я как сейчас вижу: все дрогнуло, все небо, со всеми звездами, вспыхнуло взрывами огней, как космический фейерверк, и я увидел бездонность... нет, не бездонность, а... будто все небо разломилось, разодралось, как сверкающая бескрайняя завеса, осыпанная пылающими мирами, и там, в открывшейся пустоте, в не постижимой мыслью бездонной глыби... — крохотный, тихий, постный какой-то огонечек, булавочная головка

света, чутошный-чутошный проколик! И в неопределимый миг, в микромиг... не умом, я постиг, в чем-то... каким-то... ну, душевным, что ли, вот отсюда идущим чувством?.. — показал он на сердце, — что исследовать надо там, та-ам, в этом проколке... но — и это самое оглушающее! — и там-то... опять на-ча-ло, начало только, — все такое же, как и это, только что разломившееся небо! Меня ослепило, оглушило, опалило, как в откровении: дальше уже *нельзя*, дальше — конец человеческого, предел.

Это был обморок, от переутомления, от перенапряжения мысли и зрения, может быть — от чрезмерного куренья, отдохнувшей в него весенней ночи. Он увидел себя на полу, лицом в полуосвещенный потолок. В открытую форточку вливался холодный воздух. Он поднялся, совсем разбитый, и поглядел в небо с неопределимо тревожным чувством. Звезд уже не было: так, кое-где, мерцали, в сквозистой ватке наплывающих облаков. Все было обыкновенное, ночное.

Это был обморок, продолжавшийся очень долго: часы показывали половину второго.

После он вспоминал, что в блеске раздавшегося неба огненно перед ним мелькали какие-то незнакомые «кривые», *живые*, друг друга секущие параболы... новые «пути солнца», — новые чертежи небесной его механики. Тут не было ничего чудесного, конечно, рассуждал он тогда, а просто — отражение света в мыслях: мыслители видят свои мысли, астрономы — «пути планет», и он, инженер-механик и астроном-механик, мог увидеть небесные чертежи — «пути». Но и еще, иное, увидел он: «бездонную бездну бездн» — иначе и не назвать. И в этом — еще,

другое, до осязания внятное всем существом его: тот огонек-проколик, «точку точек», — так в нем определилось, — «предел человеческих пределов, конец, бессилие».

— Со всяким подобное случалось, только без вывода, без «последней точки», — рассказывал Виктор Алексеевич. — Вы лежите на стогу в поле, ночью, и загляделись в небо. И вдруг звезды зареяли, заполошились, и вы летите в бездонное сверканье. Но что же вышло, какой итог? Я почувствовал пустоту, тщету. И раньше сомнения бывали, но тут я понял, что я ограблен, что я перед *этим* как слепой крот, как эта пепельница! что мои силы, что силы всех Ньютонов, Лапласов, всех гениев, всех веков, до скончания всех веков, — ну, как окурок этот!.. — перед этим «проколиком», перед этой булавочной головкой-точкой! Мы дойдем до седьмого неба, выверим и начертим все пути и движения всех допредельных звезд, вычислим исчислимое, и все же — пепельница, и только. В отношении Тайны, или, как я теперь говорю благоговеино, — Господа Вседержителя. *Вседержителя!* Это вот прежнего моего, что я найти-то тщился, занести на свои «скрижали», — Источника сил, из Которого истекает Все. Я почувствовал, что ограблен. Вот подите же, кем-то ограблен! протест! Я, окурок, — тогда-то! — не благоговею, а проклиная, готов разодрать сверкающее небо, будто оно ограбило. Не благодарю за то, что было мне откровение, — было мне откровение, я знаю! — а плюю в это небо, до обморока плюю. Теперь я понимаю, что и обморок мой случился не от чего-то, а от этого «оскорбления», когда я в один микромиг постиг, что дальше — *нельзя*, конец. И по-

чувствовал пустоту и тоску такую, будто сердце мое сгорело, и там, в опаленной пустоте, только пепел пересыпается. Нет, не сердце сгорело: сердце этой тоской горело, а сгорело вот это... — показал он на лоб, — чудеснейший инструмент, которым я постигал, силился постигать сверх-все.

После открывшегося ему комната показалась такой давящей, будто закрыли его в гробу и ему не хватает воздуха. Он забегал по ней, как в клетке, увидел синеющие кальки с путанными на них «путями неба», хотел сорвать со стены и растоптать, и почувствовал приступ сердца — «будто бы раскаленными тисками». Подумал: «Конец? Не страшно».

Он не мог оставаться в комнате и выбежал на воздух. Была глубокая ночь, час третий. Он пошел пустынными переулками. Под ногой лопались с хрустом пленки подмерзших луж, булькало и журчало по канавкам. Пахло весной, навозцем, отходившей в садах земель. Москва тогда освещалась плохо. Он споткнулся на тумбочку, упал и ссадил об ледышки руку. «По земле-то не умеешь ходить, а...» — с усмешкой подумал он и услышал оклик извозчика: «Нагулялись, барин... прикажите, доставлю... двугривенничек бы, чайку попить». Голос извозчика его обрадовал. Он нашарил какую-то монету и дал извозчику: «На, попей». И услышал за собой; «А что ж не садитесь-то? Ну, покорно благодарим». Это «покорно благодарим» будто теплом обвеяло.

На Тверском бульваре горели редкие фонари-масленки. Ни единой души не попадалось. Он наткнулся на бульварную скамейку, присел и закурил. Овладевшая им тоска не проходила. Все казалось ему никчемным, без выхода: то были цели, а теперь вдруг

открылось, что — ничего. Кончить?.. — сказала в нем, и ему показалось, что это выход, Так же, как в юности, в пору душевной ломки, когда он решил «все пересмотреть критически», когда полюбил первой любовью, и эта любовь его — девочка совсем — в три дня умерла от дифтерита. И, как и тогда, он почувствовал облегчение: выход есть.

II

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Мартовская ночь, потрясая Виктора Алексеевича видением раскрывшегося неба, стала для него *откровением*. Но постиг он это лишь по прошествии долгих лет. А тогда, на Тверском бульваре, он был во мраке и тоске невообразимой.

— Стыдно вспомнить, — рассказывал он, — что это «неба содроганье» лишь скользнуло по мне... хлыстом. Какое там откровение! Просто хлестнули по наболевшему месту — по пустоте, когда лопнуло мое «счастье». Вместо того, чтобы принять «серафима», явившегося мне на перепутье, внять «горний ангелов полет», я только и внял, что «гад морских». Закопошились во мне, подушные, и отравляющей верткой мыслью я истачивал остававшееся во мне живое: «Все мираж и самообман, и завтра все то же, то же». Если бы не покончил с собой, наверное, заболел бы, нервы мои кончались. Но тут случилось, что случается только в самых что ни на есть романтических романах и — в жизни также.

Он стал представлять себе, не без острого наслаждения, как это будет: не больше минуты, и... спазм